

**ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ
ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ
TRIBUNE OF FOREIGN SCIENTISTS**

МРНТИ 11.15.84

<https://doi.org/10.51889/2022-1.1728-8940.05>

*Рау И.А.**

*Академия ведущих кадров Бундесвера
г. Гамбург, Германия*

**ОРАТОР-ПОЛИТИК: НЕКОТОРЫЕ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы ораторского искусства политика, которые еще недостаточно изучены в социально-политической науке. Подробно рассматриваются вопросы: политические выступления и их эмоциональная оценка; дискурс в политических выступлениях; понятия справедливость и право в выступлениях политиков; некоторые популярные идеи об особенностях современного общества, к которым мог бы отсылаться оратор-политик и др. В статье отмечается, что каждый знающий себе цену политик понимает ценность открытого диалога с соперником и оппозицией: люди, даже самые умные и опытные, имеют способность заблуждаться, а то и лгать, и диалог дает возможность показать это на примере оппонента. При отношении к оппоненту явно заблуждающемуся, не знающему истины, должно быть иным, чем к тому, который явно лжет, утверждает сознательно неправду. Используя средства метаязыка оратор-политик легко может высказать отличия этих отношений к оппоненту. Вместе с тем, в статье уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: оратор, политик, эмоция, оценка, язык, характер, логика, аргументация, сознание, аудитория, дебаты, дискурс, справедливость, ложь, правда.

*И.А. Рау**

*Бундесфер жетекші кадрлар Академиясы
Гамбург қ., Германия*

ОРАТОР-САЯСАТКЕР: КЕЙБІР САЯСИ ОЙЛАР

Аңдатпа

Мақалада әлеуметтік-саяси ғылымда әлі жеткілікті зерттелмеген шешендік саясат мәселелері қарастырылады. Саяси сөз сөйлеулер және олардың эмоционалды бағасы; саяси сөздердегі дискурс; саясаткерлердің сөз сөйлеуіндегі әділеттілік пен құқық ұғымдары; спикер-саясаткер сілтеме жасай алатын қазіргі қоғамның ерекшеліктері туралы кейбір танымал идеялар және т. б. мәселелер талқыланады. Мақалада әрбір саясаткер білетін қарсыласпен және оппозициямен ашық диалогтың құндылығын түсінетіні айтылған: адамдар, тіпті ең ақылды және тәжірибелі адамдар да қателесуге, тіпті өтірік айтуға қабілетті, ал диалог мұны қарсыластың мысалында көрсетуге мүмкіндік береді. Қарсыласқа нақты қателескен, шындықты білмейтін, анық өтірік айтқаннан, әдейі өтірік айтудан өзгеше болуы керек. Мета-тілді қолдана отырып, спикер-саясаткер бұл қарым-қатынастың қарсыласқа қатысты айырмашылықтарын оңай айта алады. Сонымен қатар, мақалада пікірталас мәселелеріне де назар аударылған.

Түйін сөздер: спикер, саясаткер, эмоция, бағалау, тіл, мінез, логика, дәлел, сана, аудитория, пікірталас, дискурс, әділеттілік, өтірік, шындық.

*I. Rau**

*Academy of leading personnel of the Bundeswehr
Hamburg, Germany*

SPEAKER-POLITICIAN: SOME POLITICAL SCIENCE REFLECTIONS

Abstract

The article deals with the issues of oratory of a politician, which have not yet been sufficiently studied in socio-political science. The article deals in detail with the following issues: political speeches and their emotional assessment; discourse in political speeches; the concepts of justice and law in the speeches of politicians; some popular ideas about the features of modern society, to which a political speaker could refer, etc. The article notes that every politician who knows his own worth understands the value of an open dialogue with the opponent and the opposition: people, even the most intelligent and experienced, have the ability to err, or even lie, and the dialogue gives an opportunity to show this by the example of an opponent. When dealing with an opponent who is clearly deluded, who does not know the truth, it should be different from the one who is clearly lying, consciously asserts an untruth. Using the means of metalanguage, the speaker-politician can easily express the differences between these attitudes to the opponent. At the same time, the article also pays attention to controversial issues.

Keywords: speaker, politician, emotion, assessment, language, character, logic, argumentation, consciousness, audience, debate, discourse, justice, lies, truth.

Введение.

Чувственная оценка любых событий и происшествий происходит бессознательно, полубессознательно, иногда сознательно, но всегда: такие оценки неотъемлемы от жизни человека как живого существа. Они, как и любая заложенная природой в человека способность, сама по себе не добра и не зла. Другое дело, наше знание этой способности и возможностей ее контролировать: она способна в форме эмоций «зашкаливать», выходить из под контроля даже у самой уравновешенной личности [1]. Особенно ярко чувственная оценка выражается в эмоциях (лат. *emoveo*, т.е. «возбуждаю», «волную»). Лишь редкие люди способны полностью, всегда и везде контролировать свои эмоции, регулировать их внешнее проявление или вызывать их в себе искусственно. Общая психология насчитывает у человека более 500 эмоций, из которых только некоторые являются базовыми (любовь, ненависть, печаль, страх, удивление, гнев и др.), а остальные – второстепенными [2, с.9].

Эмоции выражаются как вербально (лексика, фразеология, междометные единицы, порядок слов, интонация и др.), так и невербальные (мимика, жесты, поведенческие реакции /головой, телом, частями тела/, внешние физиологические изменения, направление взгляда). Важно в общении и то, что вербально, с помощью языка можно не только выражать, называть и описывать свои эмоции, но можно их и скрывать, симулировать и имитировать.

Следует сказать, что политологические вопросы оратора-политика еще недостаточно изучены в социально-политической науке. Мы в статье рассмотрим только некоторые аспекты указанных проблем.

Цель и задачи исследования.

Целью статьи является политологическое осмысление вопроса оратора-политика. Исходя из цели исследования, нами намечены следующие задачи: политические выступления и их эмоциональная оценка; дискурс в политических выступлениях; понятия справедливости и право в выступлениях политиков; некоторые популярные идеи об особенностях современного общества, к которым мог бы отсылаться оратор-политик и др.

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Теоретико-методологическую базу статейного исследования составляют применение принципов объективности, научности, системности, а также единства теории и практики. В статье используются общенаучные методы познания и вытекающие из них междисциплинарные и частные методы исследования. В ходе исследования были применены исторический, политологический, социологический, системный, сравнительный и др. методы анализа. В статье использованы опубликованные-политологические, социологические, философские, исторические, культуроло-

гические, психологические труды по теории ораторского искусства и деятельности политика, а также материалы периодической печати, данные бесед, наблюдения и социологических исследований.

Результаты и обсуждение исследования.

Политические выступления и их эмоциональная оценка

Эмоции, характер их проявления существенно определяют отношение другого человека, группы людей и всего общества к нам. И в последние десятилетия стало стремительно развиваться такая отрасль знания как **лингвистика языка политики**. Она занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции сознанием противника и общественным сознанием. Эмоциональная (эмотивная) бедность политика, неумение эмоционально воздействовать на зрителя, слушателя или читателя являются существенным недостатком [3, с.3; с. 266].

Эмотивность наиболее значима, как мы полагаем, при осуществлении следующих пяти функций языка политики:

1. Функция укрепления приверженности к системе. Она осуществляется, главным образом, через ритуальное использование символов. В языке политиков символы всегда способны вызывать сильные эмоциональные реакции, которые соединяют историческую гордость, оживляют память о прошлой славе, «поднимают дух» у аудитории.

2. Функция социальной солидарности и групповой идентичности, сплоченности данного сообщества людей, укреплению чувства «свои». В данном случае эмотивность знака служит фактором политической интеграции на желательной для выступающего платформе.

3. Функция социально-политической ориентации. Формируя картину политической реальности в сознании граждан, эмоции заполняют возможные пробелы в их политических знаниях, отчасти компенсируя дефицит информированности в этой области.

4. Мобилизационная функция. Эмоция выступает как мотив, импульс к действию. Эмоция появляется, когда человек устанавливает наличие или отсутствие соответствия между событиями, ситуациями и своими желаниями, интересами или потребностями. Эмоционально маркированное несоответствие заряжает гражданина энергией, высвобождает в нем дополнительные силы в стремлении устранить это несоответствие.

5. Агональная (соревновательно-агрессивная) функция. В дискуссиях с конкретным противником, соперником нередко помогает взять верх изрядная доля вербальной агрессивности, базирующаяся на соответственных эмоциях [4, с. 315; с.68-69].

Уже этот краткий перечень показывает, что эмоции проявляются на всех уровнях и во всех формах политической активности, играют важную роль в ее успешности. Но главное, конечно, не в высказывании или выказывании своих эмоций, а в способности этих эмоций влиять на окружающих в нужном для политика направлении, способствовать поддержке его гражданами-избирателями. Оратору необходимо иметь представление об эмоциональном настрое аудитории или большинства присутствующих, или лидирующей группы и явных лидеров. Характер эмоционального обращения и его эффективность прямо зависят от верности такого представления. Вероятность того, что объекты обращения примут точку зрения оратора, усилится. Необходимо иметь в виду, что переполненная эмоциям речь, эмоциональный «нажим» на аудиторию или отдельного слушателя часто оказываются более эффективными, чем логическая аргументация. Эмоциональный «нажим» действует быстро, а логическая аргументация требует много большего времени, которого у оратора, как правило, нет [5, с.68-69].

Эмоции, дошедшие до адресатов, влияют в устных выступлениях на выбор политических предпочтений слушателей (зрителей) не в меньшей степени, чем рациональное осознание проблемы. Часто люди первоначально принимают решение под влиянием эмоций, а затем уже ищут рассудочного объяснения для своего решения. В то же время не следует забывать, что цель выступления политика – передать аудитории суть его содержания, а не сопровождающие выступление эмоции. Один из выходов из этого противоречия – обращение оратора к событиям, вызывающим у большинства аудитории нужные эмоции, совпадающими с таковыми у выступающего [6, с.156].

Помогает эффективности эмоционального компонента выступления и создание нужного его эмоционального фона (визуального, музыкального, пространственно-архитектурного и др.). Говоря кратко: выступлению надо не только готовиться, но его и готовить. На эмоциональность выступлений сказывается не только их тематика, уровень и характер авторитета выступающего, но и его речевые

особенности. Насыщенность эмоциональными элементами подбоает выступлениям на митингах или предвыборных дебатах, а в письменной форме – лозунгам.

В политических дискуссиях проявляются чаще всего отрицательные эмоции (неудовольствие, возмущение, запугивание, печаль, гнев, ярость, недоумение и др.) для выражения которых хорошо пользоваться соответствующими оппоненту средствами: метафорами, иронией, сарказмом, мягким юмором, аллюзиями (намеками на всем известное содержание, связанное со смешным, неприятным или даже позорным для оппонента событием или поступком), отобранной фразеологией (например повтор конструкций с «не плюс глагол»: не построили, не выиграли, не преодолели и т. п.). В среднем сила переживаний отрицательных эмоций, как предвестников опасности или неприятностей, выше, чем положительных. Порою оратор озвучивает свое недовольство и возмущение главным образом восклицаниями при помощи, которых создается впечатление искренней озабоченности и тревоги. Однако и восклицаниями не стоит злоупотреблять т. к. речь может превратиться в сплошной крик, что для политика несолидно. Большой эмоциональный эффект оказывают уместно поставленные риторические вопросы, заостряющие внимание аудитории на поставленную проблему.

Известно, что и отрицательные, и положительные эмоции заразительны. Выражение политиком непоколебимого оптимизма, надежды, уверенности, гордости за страну, любви к ней, враждебности к недругам Родины могут способствовать зарождению или укреплению таких чувств у слушателей. Важно. Чтобы с помощью средств метаязыка у слушателей не возникало сомнений в искренности оратора-политика и чтобы он не слишком часто повторялся.

Дискурс в политических выступлениях

Теперь рассмотрим некоторые аспекты логической аргументации политических соперников по спорному вопросу с тем, чтобы показать, что эта сфера политической жизни, в отличие от эмоциональной, доступна вполне только для теоретически подготовленных слушателей. В переводе с латинского «дискурс» означает «хождение туда и сюда», т. е. переход с одного аргументированного мнения на другое аргументированное мнение и обратно. В данном понимании дискурса речь идет об аргументативной проверке в диалоге спорных высказываний о том, что есть и что должно было бы быть (Ist- oder Soll – Aussagen) [7, с. 264-271].

Каждый знающий себе цену политик понимает ценность открытого диалога с соперником и оппозицией: люди, даже самые умные и опытные, имеют способность заблуждаться, а то и лгать, и диалог дает возможность показать это на примере оппонента. При этом отношение к оппоненту явно заблуждающемуся, не знающему истины, должно быть иным, чем к тому, который явно лжет, утверждает сознательно неправду. Используя средства метаязыка (мимика, жесты, движения головой или всем телом, нарочитая направленность взгляда, тон и темп речи) оратор-политик легко может выказать отличия этих отношений к оппоненту.

В дискурсе цель проверки – отыскать некое согласие на основе соблюдения правил рассудка и разума между спорящими. Правила эти, в отличие от интересов, предполагаются у всех людей одинаковыми. Если рассудок и разум, правила их применения, логика у всех тождественны, то понимание аргументации противника, а, стало быть, и компромисс возможен. Каждое высказывание человека, находящегося в здравом уме, связано с претензией на значимость (Geltungsanspruch). Так, если врач рекомендует способ лечения, то претензия значимости – выздоровление. Если человек дает обещание, то претензия значимости – он не обманет, не забудет, выполнит свое обещание [8, с.734, 740].

Далеко не каждое такое высказывание дает себя подтвердить или опровергнуть с помощью аргументов. Высказывание верно или ошибочно, а аргументов еще нет. Применимость дискурса оправдана и может быть результативна и в трактовке универсальных истин о том, что есть (Ist-Aussagen) и о том, что должно было бы быть (Soll – Aussagen) например: «Все люди смертны» и «Ты не должен убивать». Консенсус по этим истинам всегда возможен в силу их чрезвычайной отвлеченности, абстрактности (о какой смерти идет речь? – о биологической?, о духовной?, об информационной?; о каком убиении идет речь? – во время войны?, по ходу самозащиты?, когда враг убивает твоих детей?) [9, с. 97].

Имеются не только универсальные истины, но и универсальные правила ведения дискурса:

1. Участники дискурса имеют равные права и возможности в начале дискурса, во время его протекания и в его завершении. Не может быть дискурса с интеллектуально или политически

«разновесными» участниками («herrschaftsfreien Diskurs»). Не может муха участвовать в дискурсе наравне с орлом. Говорить, общаться, обмениваться мнениями можно с любым разумным человеком, но не любой может быть участником дискурса.

2. Участники дискурса исходят из возможности достичь консенсуса на основе аргументации, не оскорбляющей личность участника.

3. Участники дискурса говорят на одном языке (без переводчика) и придерживаются единых правил логики и грамматики [10, с. 60].

Так как эти правила на практике почти невозможно полностью соблюсти (sie sind kontrafaktisch) – это скорее идеалы дискурса. Если в политическом дискурсе компромисс и консенсус недостижимы, а конкретный, определенный результат для практических действий необходимо, приходится любому политику применять, если его ресурсы достаточны, волевое решение, т. е. применить силу авторитета личного, партийного, государственного и др. В рамках закона, разумеется. Без применения силы в любом обществе даже самому гуманному и деликатному политику в определенных обстоятельствах не обойтись [11, с. 206].

Понятия справедливость и право в выступлениях политиков

Без сопоставления с правом слово «справедливость» понимается обычно в двух смыслах:

1. Ею обозначают добродетель, т. е. этическое поведение, настроенность, в соответствии с которыми человек действует «хорошо» в понимании субъекта поведения. Это справедливость в так сказать субъективном смысле. У тех, кто этику понимает как учение о добродетелях, о положительных моральных качествах личности, справедливость рассматривается как высшее из этих качеств.

2. Сложнее становится ответить на этот вопрос, когда справедливость понимается вне учения о добродетелях, когда ее рассматривают как принцип, на основании которого выстраивается масштаб оценки нравственных, правовых, социальных и политических норм поведения человека. Здесь справедливость характеризует оценочно не внутренний, субъективный мир личности (мораль), а объективно фиксируемое поведение человека (нравственность). Различение морали и нравственности с необходимостью вытекает из того, что человек далеко не всегда делает то, что думал, что намеревался, что считает правильным, что надо сделать «по совести» и т. д. В народной мудрости не зря говорится, что человека надо судить по его делам, а не по его словам и намерениям. При втором понимании справедливости две точки зрения имеют особое значение:

1. Признание возможности юридического равенства людей, т. е. равенства по закону.

2. Действие законов распространяется равно на все и на всех, как отдельных лиц, так и для групп людей.

От норм законов, которые считаются справедливыми, ожидается, что они применимы, одинаково распространяются, хотя бы в принципе, в равной степени на всех. Если это ожидание исполняется, т. е. нормы для всех применяются одинаково, то это не гарантирует действительного равенства потому, что люди разные и различны их жизненные ситуации: один умен, активен, с сильной волей, а другой – наоборот. Один имеет семеро детей, а другой – ни одного и т. д. Само собою возникает вопрос: Возможна ли справедливость без равенства людей, но с равенством их прав, с равенством для них норм и законов, возможностей? С точки зрения юридической – да, с точки зрения моральной нравственной – нет. Равенство правильнее понимать как «равенство в рамках здравого смысла», признавать невозможность полного, даже юридического, равенства. Сложная и противоречивая жизнь любого, даже самого правового и демократического общества, заставляет отдельных личностей или групп людей предоставлять особые права и привилегии (умалчивать истину, правду или попросту врать; неприкосновенность на время или на всю жизнь и др.). Некоторые права, обязанности и посты могут быть даны людям с особыми способностями, отсутствующими у большинства других людей. Например, способность руководить имеется далеко не у всех и далеко не все могут в должной степени ей обучиться. Но, обольщенные возможностями, даваемыми ею, и мучимые непомерными амбициями, рвутся к ней многие неспособные. Но есть и такие, которые осознают свое несоответствие к исполнению властных функций и отказываются от должностей и постов. Оратору – политику часто задают вопросы о справедливости и в тех случаях, когда нарушены элементарные права вопрошающего, иногда, когда его совесть говорит – нет справедливости. Как сетовал Сальери «Все говорят: нет правды на Земле. Но правды нет – и выше» [12, с. 35] Не отвечать на такие всегда злободневные вопросы нельзя.

Если для некоторых существуют особые права, то справедливым будет гарантировать им

соблюдение этих прав. В целом же при такой позиции справедливо все то, что соответствует действующему праву, закону. Только такая справедливость объективно контролируема и доказуема. Можно принять и более неопределенное, предельно отвлеченное от конкретной ситуации в обществе и государстве положение, согласно которому справедливость есть принцип, гарантирующий право личности на свободу в рамках существующего права и законов. Другой отвлеченный принцип гласит, что справедливо все, что полезно одновременно и для данного человека, и для общества в целом. И, наконец, одно из новейших за последние 50 лет определение справедливости гласит: принцип справедливости требует, учитывая все неустранимые социальные и экономические неравенства, предоставлять наименее удачливым в этой ситуации наибольшую общественно-государственную помощь [13].

Мы полагаем, что с точки зрения политического подхода наиболее правильным является понимание справедливости как соответствие действующим праву и законам.

О послушании или добровольном рабстве

Сравнение **послушания с рабством** может шокировать, но и в общественной жизни бывает нередко, что первое незаметно перетекает во второе. Знаменитый римский философ и государственный деятель Боэций (Boethius) Аниций Манлий Северин (480-524) вопрошал: «... как это может быть, что так много людей, так много общин, так много городов, так много народов выносят власть одного единственного тирана, у которого нет другой власти, кроме той, которую они за ним признают; который имеет только столько силы им навредить, сколько они готовы вынести; который не сможет принести им зла, если они выступят против» [14, с. 97; С.34]

Угнетение целых народов отдельными тиранами или их группой или партиями, целенаправленное уничтожение меньшинств, их языка, религии и культуры в целом – все это в течение веков с развитием цивилизации не исчезло, но приняло еще большие масштабы. Далее Боэций писал: «Первое основание того, что люди добровольно соглашаются на рабство, заключается в том, что они рождены как рабы и как таковые воспитаны. Из этого основания следует следующее: люди под властью тиранов становятся вялыми духовно и с изнеженной волей» [15, с. 54]. Действительно ли рождение в рабстве и воспитание в рабстве являются главным в добровольном подчинении большинства населения страны тиранам, авторитарным руководителям или господствующей партии? Может быть, во времена Боэция так и бывало, ныне же такое объяснение звучит наивно.

Возможно ли общество без послушания и подчинения, обязательного для отдельных его частей. Вопрос риторичен. Дети, служащие, солдаты, полицейские, члены спецслужб, непослушные или не подчиняющиеся приказам ослабляют общественное целое. Некоторые исследователи разделяют моральные и неморальные послушания и подчинения. Моральные – соответствуют вашим личным моральным ценностям, неморальные – не соответствуют [16, С. 98]. Если вы в силу вашей профессии или должности должны выполнять указания или **приказы** неукоснительно и точно, а ваша **мораль** говорит, что это нехорошо, то вы должны, несмотря на очевидные для других людей общественные необходимости, отказаться от выполнения указания или приказа даже под угрозой увольнения или иного наказания. Во имя сохранения своей личной моральной чистоты, проявите, мол, гражданское мужество. Это, мол, куда важнее, чем заботы о семье и прокормлении детей. Автор полагает, вероятно, что все морально чистые люди способны быть героями и в мирное время. Наивно такое предположение даже для военного времени.

Другой исследователь рассуждая более трезво, пишет о том, что многие люди, если не большинство, не желают принимать решений, для которых их компетенции явно не хватает. И нести ответственность за такие решения они перекладывают с чистой совестью руководству и принятие решений, ответственности за них на других [17, С.139, 212, 227].

С ориентацией на личную совесть как на решающую и окончательную (совесть, мол, не ошибается) судьбу общественные коллизии в СМИ, нередко представляют людей, выполняющих свой служебный долг (солдат, полицейских и др.), чудовищами, извергами (Scheusale), что чудовищно несправедливо, если такие люди не нарушают законов и, нередко, рискуют собственным здоровьем или жизнью.

Люди, послушные по служебному долгу, не являются научной проблемой. Таковой являются целые общества. Подчиняющиеся безропотно, за редкими исключениями отдельных личностей или их групп, тиранам, авторитарным идеологиям и руководителям. Одной из попыток решения этой проблемы являются биологизаторские концепции общества, объясняющие указанное послушание

инстинктивным поведением людей, в инстинктивном перекалывании ответственности на тех, кто отдает приказы [18, С. 339-348; С. 539-548].

Ссылки на то, что **послушание** может тренироваться оправданы применительно только к малым группам специально обучаемых людей, но не к целым нациям или совокупности народов. Ключевым понятием в понимании добровольного подчинения правящей силе является «**авторитет**». Он во всех отношениях между людьми играет большую роль, но в особенности в отношениях масс к руководящей силе. Под авторитетом мы понимаем устойчивое уважение к определенной личности или инстанции в силу их достижений или воспитания и традиций. При этом достижения могут быть и мнимыми, населению внушенными. Авторитетом может быть и политическая партия, и тайная организация, и часть бюрократии, и определенный закон, и государство в целом. За авторитетом признается право требовать. Люди чувствуют себя обязанным авторитету потому, что он снимает с них ответственность и потому, что он может поощрить или наказать. Авторитета не только признают, уважают, но и побаиваются. А о последнем мечтает большинство руководителей.

Сила воздействия авторитетов в любом обществе связана и с тем, что в нем имеются в значительном количестве личности с «авторитарным характером». Имеется и гипотеза, согласно которой в «среднем классе» современного буржуазного общества, которое всегда еще считалось наиболее прочной опорой западной демократии, таких личностей большинство. Решительные противники авторитаризма это «верхи» и «низы», а не средний класс, которому просто не надо мешать работать по твердым правилам [19, С.100]. На что же опираются такие гипотезы? На том простом факте, что все социально-правовое устройство современных демократических (не авторитарных) государств, предполагает наличие таких личностей как большинства в обществе [20, С.100; С. 27,41].

Решение принять ответственность на себя или возложить ее на других – центр проблемы послушания, добровольного подчинения другим. Ответственность неразрывно связана с возможностью вины: не бывает такого ответственного руководителя, который не делал бы ошибок.

Некоторые популярные идеи об особенностях современного общества, к которым мог бы отсылаться оратор – политик

Не отрицая самостоятельности политологии как науки, укажем на теоретические источники, которыми являются не только труды по политике, государству, их взаимоотношению и взаимодействию с обществом (в особенности с обществом гражданским, когда оно возникло), но и история, социология, философия истории, господствующая в обществе религия, идеология и народная культура. В целом же мы согласны с мнением Аристотеля о том, что по своей значимости для сохранения целостности общества политика является и высшей наукой, и высшим искусством.

В выступлениях ораторов важен не столько показ своей эрудированности в вопросах общей истории, сколько в **истории своего народа**, своей страны, своего государства, наиболее распространенных в нем религий, народной культуры и мудрости (знание народных традиций, обычаев, пословиц, поговорок, преданий и сказаний). Своей компетентностью в области особенностей истории страны, ее культуры, социального и государственного устройства оратор вызывает у слушателей обобщающее ощущение – это свой, ему можно начать доверять.

И новейшие данные в **общей истории** полезны к использованию оратором. Всего за несколько десятилетий на рубеже прошлого и нынешнего столетия, когда история укрепилась и как самостоятельная прикладная наука, объем знаний о древности и средневековье в Европе и Средней Азии увеличился в разы. Новые данные заставили усомниться в концептуальных обобщениях теоретиков Просвещения. И благородные идеи свободы, равенства и братства всех людей стали восприниматься, после того как прояснилось, что даже элементарная правовая форма равенства нереализуема в полной степени, как митинговые лозунги.

Мы не желаем обижать великих мыслителей того времени, но указываем на то, что их представления о человечестве были ограничены знаниями того времени и идеологией евроцентризма, не потопляемого и по сей день. При взгляде на карту мира, при учете индустриальных, научных и информационных достижений и потенциалов отдельных регионов человечества, при учете того, что без притока не европейского населения Европа стареет и опустевает (Германия яркий тому пример), **евроцентризм** смешон и не случайно заменяется **американоцентризмом**. Но, как говорится, хрен редьки не слаще. И на это надо обращать внимание аудитории, большая часть которой не осведомлена в толковании этих часто употребляемых в СМИ слов.

Ныне эти определения замещаются другими, более неопределенными по содержанию терминами, которые дают широкий простор для разнообразных, порою взаимоисключающих, толкований, но ничего не объясняют: «глобализация», «вестернизация» и подобные, весьма модные в СМИ обороты [21]. Во всех указанных в этой ссылке трудах, проводилась не научная, а вполне пропагандистская идея, о том, что нарисованному в них «объективному процессу» современной мировой истории нет и не может быть альтернативы. Эту якобы безальтернативность не плохо оратору хотя бы косвенно упомянуть, указывая на то, что независимая страна не идет слепо по избранному глобалистами маршруту, имеет значительные возможности идти особым путем в соответствии со своими интересами и волей своего народа.

К тому же с 90-х годов прошлого века авторитетными учеными (Д.Родрик, С.Сассен, Дж. Уильямсон, А.Ратман, Дж.Бахавати, Р.Финдли) было показано, что то, что называют «глобализация», наблюдается в мире веками и не есть новое мировое явление последних десятилетий. А что же есть? А есть, говорит ряд других авторов, «европеизация мира», имея ввиду Западно-Европейский мир (ЕС, США, Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия) и полагая, что все остальное огромное человечество только и ждет такой «европеизации». Да, большинство стран этого человечества лучше траву будут есть, чем жить по нормам повседневности этой «европеизации» (мужчины у которых жены тоже мужчины; женщины, у которых «мужья» тоже женщины; появление людей с неопределенным полом («оно») или «меняющимся» полом; или компания христианских феминисток за то, чтобы и Бог не назывался не «Он» и не «Она», а гендерно нейтрально; мэры европейских столиц или министры крупнейших государств ЕС (Франция, Германия) показывающиеся на телеэкранах со своими мужьями-мужчинами... В мире люди сотнями миллионов умирают от голода, а тут такая «бесовщина», государственно поддерживаемая ЕС и всем Западом.

Оратору можно использовать эти данные при характеристике попыток всемирной «европеизации» или «вестернизации». А если оратор-представитель исламской, православной или католической церкви, то уместно упомянуть, что описанная выше «бесовщина» прямо нарушает наказания священных книг Корана и Библии.

Заключение.

И сегодня в лекционных курсах, пособиях и учебниках России, Казахстана и других постсоветских Республик посверкивают термины «пост буржуазное общество», «пост капиталистическое общество», «пост предпринимательское общество», «пост цивилизационное общество», «пост историческое общество» и др. И все эти «пост-» претендуют на пояснение сути современного этапа всемирной истории. И это еще не все: «технотронное общество» Бжезинского, «общество знаний» Дракера, «информационное общество» Масуду, «программируемое общество» Турена и др. Знать о них оратору надо, но не для объяснений и не для демонстрации собственной эрудиции, а скорее для выборочной критики [22, с.10].

Не понимая, насколько различаются **истории, культура, менталитет** населения различных стран, могучая научная держава США всюду пожинала негативные результаты навязывания своего образа жизни: Вьетнам, Ближний Восток, Афганистан, Сирия, Ливия, Тунис всюду они сами или с помощью союзников по НАТО приносили вместо обещанных демократии и процветания развал, разброд и шатания. А, может быть, ученые-обществоведы в Америке толковые и правительство не прислушивается их умным советам. Думается, что и это часть, хотя и не главная, истины.

Нарастает опасение перед **дилетантизмом**, распространяющимся в политических кругах европеи и америкосцентристов. Так они полагали, что в Афганистане, где не было функционирующего центрального правительства, отсутствовало правовое государство и средний класс, где подавляющая часть населения была безграмотной и знала только одну «идеологию» – ислам, можно внедрить силой западноевропейскую демократию. Другой пример дилетантизма правящей элиты Германии во время президентских выборов в России, когда за пост боролись Ельцин, Горбачев и знаменитый тогда генерал Лебедь и вся пресса в стране предсказала несомненную и сокрушительную победу Горбачева. Пришлось, поражаясь такой неосведомленности о настроении избирателей в России, написать письмо в Институт Востока (Гамбург) и предсказать, что Горбачев получит не более 2% голосов. Таких примеров можно было бы привести за последние 20 лет десятки. Обращение внимания аудитории на этот дилетантизм может помочь оратору привлечь слушателей на свою сторону.

Нередко оратор вызывает иронию у слушателей попыткой изобразить некое событие

судьбоносным, каковым оно на деле не является, а упоминание о нем скрывает банальное желание транслировать собственное понимание важности исторического отрезка в жизни своей страны. **Патриотизм** свой показывать оратору надо, но до известных пределов с тем, чтобы его не заподозрили в неискренности или тупости. Не повторением одних и тех же фраз, а демонстрацией своих знаний и понимания страны, ее народа и культуры, интересов страны, что говорит о патриотизме оратора.

Образованным людям известно, что подлинный смысл исторической эпохи познается не ее современниками, а их внуками. Они то и оценят своими светлыми и честными головами, что было судьбоносным, а что - заблуждением, лицемерием и пропагандой.

Список использованной литературы:

1. Шахновский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике *Вопросы психолингвистики*. – 2009. – № 9.
2. Грекова В.Е. Психолингвистический подход к определению базовых эмоций. *Вестник московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика»*. – 2009, №1. – С.9.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – Москва, 2008. – С. 3; Шахновский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. – Москва, 2008. – С.266.
4. *Sprache im Konflikt. Zur Rolle de Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen*.-Berlin/New York 1995. Hrsg. Ruth Reiher. – S. 315; Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. – Москва, 2004. – С.64- 65.
5. *Руссий язык за рубежом*. – 2012, № 1.– С.68-69.
6. Стернин И. А. *Практическая риторика*.- Москва, 2006. – С.156.
7. Ketner M./Apel K.-O. (Hrsg.) *Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft*. Frankfurt am Main 1992; *Enzyklopädie Philosophie*. In 2 Bänden. Hamburg 1999, Felix Meiner Verlag, Bd. 1. – S. 264 – 271.
8. Apel K.- O. *Auseinandersetzungen in Erprobungen transzendentalpragmatischen Ansatzes*. Frankfurt am Main 1998. – S.734, 740.
9. Burckhart H. *Diskursethik – Diskursanthropologie – Diskursethik*. Würzburg 1998. – S. 97.
10. Нам удалось присутствовать при знаменитом выступлении Ю. Хабермаса на философском факультете МГУ (1965 г.), где с ним дискутировал известный советский философ Т. Ойзерман. Оба владели немецким языком, но «язык философских понятий» у них отличался фундаментально. Поэтому дискурса из этой встречи и диалога не получилось. *Habermas Jürgen. Die Einbeziehung des Anderen*. Frankfurt am Main 1996.- S. 60.
11. Alexy R. *Recht, Vernunft, Diskurs*. Frankfurt am Main 1995. – S. 206.
12. Пушкин А. С. *Маленькие трагедии «Моцарт и Сальери»*. – Москва: Детская литература, – 1977. – С.35.
13. См.: Christoph Lumer. *Gerechtigkeit*. In: *Enzyklopädie Philosophie*. Haburg 1999, Felix Meiner Verlag, Band 1.– S. 464-470; Aristoteles. *Nikomachische Ethik, Buch V, Band 2-3, 1126 a-b, 1131 – 1136 a*; Barry B. *F Treatise on Social Justice. Vol. 2: Justice as Impartiality* (Oxford 1995). In: D. Bimbacher/N. Hoester. *Texte zur Ethik*. München 1984. – S. 218 – 221, 222 – 229 ; Hoffe O. *Politische Gerechtigkeit*. Frankfurt am Main 1989. – S. 76, 80, 293, 295, 300 ; Lumer Cr. *Intergenerationelle Gerechtigkeit*. In: R. Mokrosch/A. Regenbogen (Hg.): *Was heißt Gerechtigkeit ? Donauwörth* 1999. – S. 75 ; Marx K. *Kritik des Gothauer Programms*. In: Marx K./F. Engels. *MEW, Band 19*. – S.11; Rawls J. *Ein Entscheidungsverfahren für die normative Ethik Grundsatz 2a* (1975). – S. 38f, 67f, 336f. In: D. Bimbacher/N. Hoester. *Texte zur Ethik*. München 1984.– S. 218 – 221, 222- 229; Trapp R. W. „Nichtklassischer“ Utilitarismus. Frankfurt am Main 1988.– S. 23-25; I. Kant. *GMS BA*. – S. 13, 15- 17, 52.
14. Цитирован по: «psychosozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67). – S. 97; De la Boetie, E. *Discours de la servitude volontaire on contr`un*. Genf 1987. – S. 34.
15. Там же; De la Boetie, E. *Discours de la servitude volontaire on contr`un*. Genf, 1987.-S. 54.
16. Grün G. *Menschen, Tiere, Wissenschaften. Territorialität, Aggression* In: «psychosozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67). –S. 98.
17. Huemer P., Schurz G. *Unterwerfung – über den destruktiven Gehorsam*. Wien 1990. – S. 139, 212, 227.
18. Schurz G. *Gehorsamsbereitschaft als Instinktrelikt*. In: Huemer/Schurz (Hrsg.). Wien 1990 *Über den destruktive Gehorsam*. – S. 339-348; Max Frisch. *Dienstbüchlein*. In: H.Meyer (Hrsg.). *Gesammelte Werke*. Frankfurt/M. 1976, Bd. VI.2. – S. 539, 548.
19. См. Adorno Th., und andere. *Die unmoralische Persönlichkeit*. Frankfurt am Main 1995; «psychosozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67). – S.103.
20. См. Apel K.O. *Diskurs und Verantwortung*. Frankfurt am Main 1988; Richter H.E. *Flüchten oder*

Standhalten.Hamburg 1980, Reinbek Verlag. – S. 100 ff; Huemer/Schurz (Hrsg.). Wien 1990 Über den destruktive Gehorsam. – S. 27, 41.

21. См. Дарлинг Ф. Вестернизация Азии. 1980; Г. фон Лауэ. Всемирная революция вестернизации, 1984; С. Латуш. Вестернизация мира, 1994.

22. См. Иноземцев В. Пришествие метафизической эпохи Независимая газета. – 2008, 22 Мая. – С.10.

References:

1. Shahnovskij V.I. Emocii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike Voprosy psiholingvistiki. – 2009. – № 9.

2. Grekova V.E. Psiholingvisticheskiy podhod k opredeleniyu bazovyh emocij. Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika». – 2009, №1.– С.9.

3. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. – Moskva, 2008. – С.3; Shahovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya emocij. – Moskva, 2008.– С.266.

4. Sprache im Konflikt. Zur Rolle de Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen.-Berlin/New York 1995. Hrsg. Ruth Reiher. – S. 315; Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. – Moskva, 2004.– С.64- 65.

5. Russij yazyk za rubezhom. – 2012, № 1.– С.68-69.

6. Sternin I.A. Prakticheskaya ritorika. – Moskva, 2006.– С.156.

7. Ketner M./Apel K.-O. (Hrsg.) Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft. Frankfurt am Main 1992; Enzyklopädie Philosophie. In 2 Bänden. Hamburg 1999, Felix Meiner Verlag, Bd. I.– S. 264– 271.

8. Apel K.– O. Auseinandersetzungen in Erprobungen transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt am Main 1998. – S.734, 740.

9. Burckhart H. Diskursethik – Diskursanthropologie – Diskursethik. Würzburg 1998. – S. 97.

10. Nam udalos' prisutstvovat' pri znamenitom vystuplenii Yu. Habermasa na filosofskom fakul'tete MGU (1965 g.), gde s nim diskutiroval izvestnyj sovetskij filosof T.Ojzerman. Oba vladeli nemeckim yazykom, no «yazyk filosofskih ponyatij» u nih otlichalsya fundamental'no. Poetomu diskursa iz etoj vstrechi i dialoga ne poluchilos'. Habermas Jurgen. Die Einbeziehung des Anderen. Frankfurt am Main 1996.- S. 60.

11. Alexy R. Recht, Vernunft, Diskurs. Frankfurt am Main 1995. – S. 206.

12. Pushkin A. S. Malen'kie tragedii »Mocart i Sal'eri«. –Moskva: Detskaya literatura, – 1977.– С.35.

13. См.: Christoph Lumer. Gerechtigkeit. In: Enzyklopädie Philosophie. Haburg 1999, Felix Meiner Verlag, Band I.– S. 464-470; Aristoteles. Nikomachische Ethik, Buch V, Band 2-3, 1126 a-b, 1131 – 1136 a; Barry B. F Treatise on Social Justice. Vol. 2: Justice as Impartiality (Oxford 1995). In: D. Bimbacher/N. Hoester. Texte zur Ethik. München 1984.– S. 218 – 221, 222-229 ; Hoffe O.Politische Gerechtigkeit. Frankfurt am Main 1989.-S. 76, 80, 293, 295, 300 ; Lumer Cr. Intergenerationelle Gerechtigkeit. In: R. Mokrosch/A. Regenbogen (Hg.): Was heißt Gerechtigkeit ? Donauwörth 1999. – S.75; Marx K.Kritik des Gothauer Programms. In: Marx K./F. Engels. MEW, Band 19. – S. 11; Rawls J. Ein Entscheidungsverfahren für die normative Ethik Grundsatz 2a (1975). S. 38f, 67f, 336f. In: D. Bimbacher/N. Hoester. Texte zur Ethik. München 1984.- S. 218 – 221, 222- 229 ; Trapp R. W. „Nichtklassischer“ Utilitarismus. Frankfurt am Main 1988. – S. 23-25; I. Kant. GMS BA. – S. 13, 15-17, 52.

14. Citirovan po: «psychozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67). – S. 97;De la Boetie, E. Discours de la servitude volontaire on contr`un. Genf 1987. – S. 34.

15. Tam zhe; De la Boetie, E. Discours de la servitude volontaire on contr`un. Genf, 1987.-S. 54.

16. Grün G. Menschen, Tiere, Wissenschaften. Territorialität, Aggression In: «psychozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67).-S. 98.

17. Huemer P., Schurz G. Unterwerfung – über den destruktiven Gehorsam. Wien 1990. – S. 139, 212, 227.

18. Schurz G. Gehorsamsbereitschaft als Instinktrelikt. In: Huemer/Schurz (Hrsg.). Wien 1990 Über den destruktive Gehorsam. – S. 339-348; Max Frisch. Dienstbüchlein. In: H. Meyer (Hrsg.). Gesammelte Werke. Frankfurt/M. 1976, Bd. VI.2. – S. 539, 548.

19. См.: Adorno Th., und andere. Die unmoralische Persönlichkeit. Frankfurt am Main 1995; «psychozial“, 1997, Heft 1 (Nr. 67). – S. 103.

20. См.: Apel K.O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main 1988; Richter H.E. Flüchten oder Standhalten.Hamburg 1980, Reinbek Verlag. – S. 100 ff;Huemer/Schurz (Hrsg.). Wien 1990 Über den destruktive Gehorsam. – S. 27, 41.

21. См.: Darling F. Vesternizaciya Azii. 1980; G. fon Laue. Vsemirnaya revolyuciya vesternizacii, 1984; S.Latush. Vesternizaciya mira, 1994.

22. См.: Inozemcev V. Prishestvie metafizicheskoy epohi Nezavisimaya gazeta. – 2008, 22 Maya.– С.10.